

18+

Максим Прохоров

История под маяком

Максим Прохоров

История под маяком

«Издательские решения»

Прохоров М.

История под маяком / М. Прохоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516253-3

Он живет на далеком восточном острове. Подальше от цепких лап цивилизации и своего прошлого. Над ним есть лишь маяк и бескрайнее небо. Но в один день к берегу прибывает загадочную девушку в бордовом свитере. Кто она? Как оказалась в море? И суждено ли ей потревожить его устоявшийся быт?

ISBN 978-5-00-516253-3

© Прохоров М.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	11
III	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

История под маяком

Максим Прохоров

© Максим Прохоров, 2021

ISBN 978-5-0051-6253-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«... В городе мне жить или на выселках, Камнем лежать или гореть
звездой?..»*

I

Море билось у самых его ног. Скалистый берег будто сам набегал на водную гладь, тараня, врезаясь и вспенивая её. Вода откатывалась назад, не желая вступать ни каплей на эту грешную землю. Пускай даже такую далёкую, убежавшую, скрывшуюся от городов за горами, полями и лесами. Последний аванпост человеческой души, покрытый тёмными скалами, мхом и бурой травой, которая мерно колыхалась от дуновений морского ветра. Казалось, что дальше этого места лишь пропасть за горизонтом. Пропасть, в которую медленно, нехотя заваливалось солнце, окрашивая напоследок небо в персиковые тона, совсем не свойственные этому пасмурному берегу. Он по-своему любил это место. Надо было забраться сюда, откуда, наконец, при всём желании невозможно было разглядеть кремлёвских звёзд. Их пошлое, вульгарное красное свечение не доставало сюда. Слишком далеко. Здесь он невольно задумывался о бытии, о том, как он тут оказался. Словно любая суэта здесь переставала иметь хоть какое-то значение. Есть море, есть маяк и есть он. И иногда, где-то на краю можно разглядеть плетущиеся вдаль посудины, забредшие в этот далёкий край по пути к своей пристани. Лишь одно могло выбить его из проторенной годами колеи своих размышлений. Звук приближающегося вертолёт, который как раз стал различим среди шума прибоя и деревьев, клонящихся от ветра вдалеке. Значит, пора было подниматься наверх.

Место, где он обитал, устроено было весьма своеобразно. Утёс простирался вниз от хвойного леса, как бы расстилаясь к морю, и заканчивался весьма крутым скалистым обрывом. Почти на самом краю высился деревянный православный крест. Но чтобы добраться до места, где садился по обычаю вертолёт, нужно было подняться ввысь по старенькой деревянной лестнице. Вероятно, некогда она была хорошо и крепко сбита, но здешний солёный воздух, ветра, а, главное, время постепенно превращали её в некий кривой замшелый пандус. Тем временем шум вертолёт всё нарастал, но торопиться смысла не было. Там ждали именно его. И с каждым шагом, поднимаясь вверх по утёсу, всё отчётливее становился тот самый незабываемый запах леса. Что-то из детства, из того самого времени, когда он ходил с дедом в лес по грибы. И охота была остановиться, замереть и вдохнуть этот запах. И так всякий раз, когда он поднимался по этой лестнице. Поднявшись, он обнаружил вертолёт уже приземлившимся. Совсем не большая, скромная машинка, уже выдавшая лучшие времена. Будто устав, опустили под своей тяжестью лопасти, но что-то внутри него продолжало гудеть подобно микроволновой печи. Из открывшейся боковой двери показалось знакомое лицо. Эти его сытые и какие-то даже неестественно румяные черты лица невозможно было спутать ни с чьими другими.

– Михал Андреич! – человек приветственно махнул рукой.

– Здравствуй, Гриша.

Они пожали друг другу руки.

Рукопожатие у Григория было сильным и крепким, порой даже слишком сильным для руки Михаила Андреевича. Да и, в целом, многое в этом человеке казалось «слишком». Слишком был он радостным, прилетая к богу на задворки и привозя старику всякое для жизни.

– Новости-то слышали? – Григорий начал выгружать сумки с провиантом из салона.

– Это смотря какие.

– Власть, говорят, сменилась, представляете? – в глазах его были неподдельный восторг и даже какой-то молодецкий азарт.

– А новая власть маяком моим займётся? – Михаил Андреевич подхватил одну из сумок, которая казалась легче других, и медленно потащил её.

– Да они вроде не говорили про это. Ну, займутся, наверное, – Григорий взял оставшиеся туки по два в каждую руку и присоединился к Михаилу на пути к старой хибарке внизу.

– Они тебе и не скажут ничего. Потому что ничего опять не сделают. В этой стране только два города есть. Остальное – так, как фантик на дороге.

– Ладно вам, только не начинайте, – Григорий хотел было махнуть рукой, но вспомнил, что руки у него заняты, – вы тут сами-то как?

– Да, как всегда. Всё тихо и спокойно. Генераторы барахлят только. И связи у меня с базой нет. Не знаю, что делать вот, – он указал в сторону могучего белого маяка, стоявшего поодаль. Как раз за ним и находилась комната с генераторами.

– Это вам сюда электрика надо. Но он только через месяц будет. Протянете?

– Я тут столько лет протянул, – Михаил Андреевич обратил взор к морю, – месяц уж проживу как-то.

Они дошли до скромного приземистого деревянного строения. Казалось, что дом стыдился нарушать пейзаж своим присутствием, жался к земле и пытался спрятаться среди травы. По сравнению с маяком, жилище Михаила Андреевича выглядело действительно непримечательно. Впрочем, любая здешняя постройка меркла, уступая место величественному бетонному колоссу. Михаил достал ключ и отпёр простенькую дверь, открывая путь внутрь. Стеной была отделена лишь спальня. Остальное – открытое пространство. Некий гармоничный симбиоз мастерской, кабинета и кухни. Мастерская забила в угол, кусок рабочего кабинета располагался напротив окна, где на подоконнике были выставлены цветы. А кухня оказалась ближе ко входу в дом у противоположной стены. И всё это соединялось, создавая ещё и гостиную посередине.

– Ты, кстати, купил? – поинтересовался Михаил, с трудом ставя на табурет свою ношу.

– Что купил? – Григорий с выдохом облегчения сгрудил сумки возле дивана и сразу же на него присел.

– Я денег тебе давал, а ты записал, чтоб не забыть. Забыл?

– А, это, – он легонько ударил себя по лбу, – купил, купил. Вон в той коробке посмотрите.

Вскрыв указанную коробку, Михаил Андреевич извлёк парочку цветочных горшков, книжку и несколько деревянных заготовок. Поднеся приобретения поближе к себе, он несколько секунд удовлетворённо рассматривал их.

– Спасибо, – он стал спешно расфасовывать содержимое коробки по местам, практически не задумываясь, что и куда поставить.

Казалось, старые предметы уже были расставлены таким образом, чтобы новые могли их дополнить, как новые элементы дополняют пазл. Ничего лишнего. Несколько минут спустя Григорий, зевая, всё же поднялся с дивана.

– Ладно, Михал Андреич, пора мне уже, наверное, пилот там ждёт. Да и вы, вроде как, не любитель гостей...

– Ну а чего их любить-то, – развёл руками Михаил.

Мужчины вышли на улицу. Попрощавшись, Григорий начал подниматься по лестнице к посаженному наверху вертолёту. Спустя время до Михаила снова донёсся шум. Взглянув ввысь, он увидел, как железная птица, лениво поднявшись в воздух, начинает уплывать всё дальше и дальше, за макушки еле гнущихся деревьев, унося за собой единственную связь Михаила с внешним миром.

– Космос! Космос! – Михаил постучал старой погнутой вилкой по алюминиевой тарелке, что издало громкий звук, эхом разнёсшийся по округе. Уже темнело, и что-либо разглядеть становилось всё труднее. Но тут из-под фундамента вынырнула чумазая морда с высунутым розовым языком. Пёс вылез из своего укрытия и поспешил к хозяину. Ничем не примечательная дворняга активно замахала хвостом, приветствуя скорее еду, чем Михаила, но из благодарности пытаясь лизнуть его лицо.

– Вот только давай без этого, мы договаривались, – осадил мужчину, но всё же погладил пса и легонько потрепал его за ухо, – bon appétit, как говорится.

Пёс активно принялся за еду, а Михаил отправился на обход территории. Обход был скорее одним из ритуальных действий. Несмотря на боль в спине, возникающую в конце дня, обход был нужен для некоего подведения итогов. Но при однообразных днях, итоги получались примерно одинаковыми. Это быстро наскучило Михаилу, и он решил, что разумнее было бы очищать голову перед отходом ко сну. Для этих целей и просил он года два назад портативный проигрыватель. Такие старые технологии только в подобных местах и актуальны. Он поставил диск в проигрыватель и, постукивая пальцами по его крышке в такт музыки, отправился осматривать прилегающую к маяку территорию.

В окно мерно постукивала ветка молодого деревца. Казалось, что оно пыталось передать некий сигнал, который ему нашёптывал ветер. Позднее время потому было хорошо, что умолкали чайки, обычно перекрикивающиеся где-то вдалеке. Но это место не могло долго оставаться безмолвным. Ночью вакуум спешно заполняли сверчки, и вокруг раздавалось их мирное и размеренное стрекотание. Он любил отходить ко сну с открытым окном. Ветер развевал серенькую занавеску, впуская в дом шум прибора, которым комната постепенно наполнялась. Тьма рассеивалась одной лишь старенькой лампой, которую Михаил непременно оставлял включённой на ночь. Как и радиоприёмник, который ночью настроен был на ту самую частоту, на которой ничего не происходит, кроме белого шума. Глаза его уже слипались, а сознание уносило куда-то далеко в обрывистое прошлое, выхватывало какие-то лоскуты и тут же отпускало.

И вновь неохотно выныривал он из небытия. Уже сам, без помощи будильников. Как будто его в одночасье телепортировало во времени, и оказывался он в новых сутках. Пробудила его свойственная утру прохлада, правда в этот раз совсем не дружелюбная. Колючая. Лишь в ногах ощущал он непонятное тепло. Он с трудом продрал глаза. Из расплывчатого супа начал выхватывать предметы, постепенно возвращая себе привычную картину. В ногах оказался свёрнутый пушистый клубок.

«Ну, да, через окно, наверное, забрался», – подумал Михаил.

Клубок зевнул во всю кошачью пасть и, заметив, что Михаил не спит, поспешил удалиться, неоднозначно размахивая рыжим хвостом.

Не без труда он поднялся. Уже знал он наперёд всё, что будет делать, и всё, о чём будет думать в течение дня. Михаил посмотрел в зеркало, висящее на стене напротив. В зеркале отражался всё тот же немолодой мужчина, который отражается в нём каждый день. Седеющие потрепанные волосы окружали лысину на макушке. Тяжёлые брови зависли над глубокими впадинами, в которых покоились почти всегда лишь наполовину открытые серые глаза. Не маленький нос с горбинкой и небрежная седая борода. Вскоре Михаил вышел на крыльцо, и, поморщившись от холода, глянул на чаек, которые как-то неестественно сгучились вместе где-то вдалеке над морем. Умывшись, он вернулся в дом. Дневной ритуал начинался непременно с кофе, и пропустить его было нельзя. Зашумело радио, передавая свои утренние никому не нужные новости. Михаил готовил свой скромный завтрак, краем уха слушая информацию из внешнего мира, будто чтобы не забыть, что он вообще существует. Зашипели сосиски на старой чугунной сковородке, и этот превкусный запах вновь привлёк кота, который со всей своей грацией начал тереться о ноги Михаила.

– Фёдор, дай поесть хоть спокойно, я тебе потом положу, – обращался он к коту.

Он, не торопясь, завтракал, развернувшись всё к тому же распахнутому окну. Свою долю доедал на полу и кот. По радио Михаил слышал о пропаже корабля.

– Тьфу. Какой век на дворе, а они всё ещё корабли теряют, самолёты. А ещё на Марс лететь хотят, называется... да вы и ракету потеряете. Да, Фёдор?

Фёдор в ответ лишь довольно облизнулся и вышмыгнул погулять в распахнутое окно. Тем временем радиопередача продолжалась.

«». – радио забарахлило. Судно было потеряно в районе ш-ш-ш-ш моря

«Какого моря-то?» – подумал Михаил. И тут голову его пронзила странная догадка. Не без подозрений вновь вышел он на крыльцо. Стая чаек всё так же беспричинно кружила в одном месте, но из-за обрыва невозможно было разглядеть, что же привлекало птиц. Вооружившись старым походным биноклем без одного стекла, он решил проковылять к самому кресту на обрыве. Миновал бочку для воды, собачью конуру и свой скромный мини-парник, который сто лет как покосило ветром. Раз камень, два камень. Вот и доски. Можно встать. Отсюда открывался достаточно хороший вид, как на море, так и на береговую линию острова, который изгибался как бы серпом. Он посмотрел в бинокль, используя его, скорее, как подзорную трубу. Размыто. Покрутил колёсико. Есть. Вот небо. Вот море. Две бесконечных синевы расплескались перед его взором. Он аккуратно вёл бинокль, пока... Вот оно. Странное движение птиц. То снижались они, то вновь взлетали, будучи как будто чем-то обеспокоены. И чем же...

– Ну вашу ж... – выругался Михаил.

Перед взором его предстали размётанные, как будто порванные куски дерева, ткани, какой-то обивки, куча мусора совершенно не понятного происхождения, тёмные обломки... И всё это медленно дрейфовало в сторону берега. Будто варвары, некогда разорившие Рим, эти обломки набегали на мирный и чистый остров. Он в беспокойстве перевёл взгляд на береговую линию. И ближе к самому утёсу, там, где берег ещё не переходил в камни, уже прибило порядочное количество барахла.

– Всё-таки здесь случилось, а. Не хватало мне тут ещё кораблекрушений, ты посмотри...

Но от сокрушений отвлекла его деталь, на секунду выхваченная линзой бинокля. Среди бесчисленных обломков абсолютно непонятной формы, на берегу покоилась будто бы какая-то фигура, имеющая человеческие очертания, но засыпанная песком и мусором. Фигура, которой явно ещё вчера тут никаким образом не наблюдалось. Михаилу всё яснее становилось, что необходимо было отправляться в путь. Это уже откровенно выходило за рамки нормальности, и тем самым сильно его беспокоило. До того берега путь лежал через лесную тропу, и, рассчитав время, он стал поспешно собираться в путь.

Дорогу он помнил неплохо. Некогда, когда ещё хотелось ему ходить, путешествовал он к тому берегу рыбачить. Но перестал. И вот теперь вновь был вынужден вспоминать старые тропы. Могучие сосны и ели высились над ним, и шёл он будто по ковру, устланному отмершими хвоинками, которые слегка похрустывали, если на них наступить. Воздух наполнен был хвойным ароматом, который здесь непременно властвовал, и так и манил остаться. Меж крон проступало бледно-голубое утреннее небо, как бы пробиваясь сквозь деревья, и напоминала человеку о своём существовании. Михаил нечасто заживал в лес. Делать было ему там нечего, да и если быть честным с самим собой, он ещё и опасался заблудиться. Поэтому в этот раз, на всякий случай, он взял с собой пса, который мирно и даже с интересом шёл рядом с хозяином, бодро размахивая хвостом. Михаил для надёжности подобрал какую-то старую палку, которая как раз оказалась ему по росту, и использовал теперь её в качестве трости. Он не особо представлял, что увидит на берегу, но ощущал себя ответственным за всё, что на этой дикой территории происходит. Тем временем густой лес стремительно редел, деревья расступались, открывая впереди просвет, а до уха донёсся шум воды. Позади остались последние крупные деревья. Хвойная подушка под ногами сменилась на крупный и влажный, почти что серый песок. Он как будто поблэк без солнца в этом пасмурном краю. Ветер нагонял волны, которые то набегали, то отступали от берега, принося хоть и немногочисленные, но каждый раз какие-то новые обломки. Отсюда хорошо виден был и маяк, и хижина, и тот самый крест.

«Значит, фигура была где-то здесь», – подумал Михаил.

И, будто подтверждая его опасения, прежде спокойный пёс поднял нос кверху, и, вероятно, что-то учуяв, обернулся вокруг своей оси и трусцой побежал вдоль берега.

– Гав!

– Да я иду, иду, веди давай. – Михаил поспешил вслед за псом.

И действительно, пару минут спустя показались обломки и загадочная фигура на песке. Подходя всё ближе и ближе, Михаил начинал различать детали. На фигуру был надет спасательный круг, но верёвка от него уходила в воду, и, вероятно, была оборвана. Космос подбежал к телу, активно размахивая хвостом.

– Ну что, труп? – Михаил подходил ближе, и шаги его сопровождались глухим звуком палки, втыкаемой в песок.

Но пёс наклонился, и, как Михаилу показалось, даже что-то лизнул, после чего ещё раз громко гавкнул и даже подпрыгнул передними лапами на месте.

Это была юная девушка. Она лежала на боку. Видимо, некогда бордовый свитер её был порван в паре мест и засыпан песком. Мокрые насквозь волосы налипли на бледное и измождённое лицо. Чем-то она даже пугала... Неизвестностью. Но Михаил понимал, что что-то необходимо делать, и для начала стянул спасательный круг, и, отставив его в сторону, опустился на колени, опираясь на палку.

«Надо проверить пульс», – подумал он.

Он принялся наощупь искать сонную артерию. Кожа девушки была холодна, но...

Раз. Раз. Что-то, несомненно, билось под его пальцами. Да, это оно. Михаил никогда не был экспертом, но, сравнив пульс со своим, он почувствовал, будто девушка живее него самого. И действительно, если приглядеться, то грудь её заметно опускалась и поднималась.

«Смотри—ка, дышит...» – подумал Михаил, – «только воды, небось, наглоталась.»

Он не без труда перевернул девушку на спину, и копна её волос окончательно съехала на лицо.

«Так, как же это делать-то...» – Он сложил ладони в замок и, почти интуитивно найдя солнечное сплетение, сделал несколько резких надавливаний. Ничего... Тогда Михаил взял чуть выше, и, с трудом навалившись всем весом...

Незнакомка распахнула глаза, и, жадно хватая воздух, закашлялась, отплевывая воду... Михаил облегчённо вздохнул и откинулся назад, упёршись руками в сырой песок, в то время как пёс незамедлительно среагировал на пробудившуюся гостью и поспешил познакомиться, активно кружась и нюхая девушку.

II

– Спасибо... – девушка тяжело дышала и, уставившись в одну точку, пыталась прийти в себя, – вы рюкзака не видели здесь?

Голос её звучал, как вполне обычный. Быть может, только слегка улавливались в нём совсем легкие басистые нотки.

– Не видел, – Михаил отрицательно покачал головой, – ты иди-то сможешь?

– Не знаю... – девушка попыталась встать на ноги, но тут же как будто кто-то невидимый надавил на неё сверху. Колени её подкосились, и девушка вновь рухнула на песок, – всё болит...

– Давай сейчас я... – Михаил медленно поднялся, отряхиваясь от песка, – облокотись на палку, вот, – он указал на лежащую рядом палку, служившую ему тростью.

Девушка осторожно начала подниматься вновь, воткнув палку поглубже в песок. Видно было, как легонько дрожит она всем телом, то ли от холода, то ли от нагрузки. Или всё вместе. Михаил подошёл, и поспешил взять её под другую руку. Вода всё ещё стекала с её одежды, оставляя причудливые следы на песке, на секунду размачивая его и тут же застывая. Михаилу происходящее показалось похожим на что-то, что видел он в старых фильмах о высадке в Нормандии. Холодный берег, люди тащат друг друга. Только выющийся вокруг Космос, всё ещё прибывающий в удивлении, напоминал, что сейчас, благо, не война. Со временем путники, что называется, «поймали ногу». Оба шли медленно. Михаил по-другому и не мог, а девушка, вероятно, была жутко вымотана и обессилена. Некоторое время они шли через лес молча. Михаил не хотел беспокоить бедную незнакомку. Да и, что говорить, не знал. Людей, кроме Григория, он сто лет здесь не видел. Девушка, в свою очередь, то глядела вниз, то немного поднимала голову, оглядывая обступившие тропу деревья. Очевидно, что всем было не до болтовни. Но, тем не менее, первой молчание нарушила именно она.

– Мы куда идем хоть? – тихо осведомилась она.

– К маяку идем. – ответил Михаил, тяжело дыша.

Он уже чувствовал сильную усталость. Ломило плечо, ныли ноги. Больная спина давала о себе знать. Девушка была хоть и хрупкого телосложения, но к дополнительному весу его потрепанное тело явно не было подготовлено. Они шли вверх по тропе, когда в просвете между деревьями, поодаль, Михаил заметил поваленный ствол.

– Бери левее... У нас привал... – объявил он своей спутнице, на что та не стала возражать. Почти синхронно свернув с основной тропы, они побрели к поваленному дереву, возглавляемые всё так же не устающим псом.

Оно, будто павший воин из древних мифов. Оно, словно Титан, потерпевший поражение в схватке со временем, теперь покоилось среди своих живых братьев и вращало в землю. Сквозь ложбинки в его коре, словно изнутри, просачивался мох, постепенно захватывающий мёртвое дерево в свои объятия. Михаил с тяжким выдохом расположился на стволе. Тот, на удивление, оказался очень прочным, и даже гниущее дерево не издало ни звука. Девушка, очевидно, также устав от дороги, села там, где ствол казался более сухим. Сейчас, когда сердцебиение Михаила успокаивалось, и шум крови в ушах уходил, он вновь мог слышать шелест деревьев и редкую переключку лесных птиц между собой. Казалось, что лес дышал сам по себе. И, в отличие от Михаила, дышал ровно, как бы настраивая на умиротворённый лад. Это дыхание леса мог он слушать бесконечно. Размеренное и спокойное. Оно возвращало к жизни.

– Вас как зовут? – вновь нарушила молчание девушка.

В этой тишине даже её тихий голос прозвучал громко. Отразился от деревьев и убрёл куда-то в лесную чащу вслед за ветром. Михаил даже на пару секунд задумался, а как же дей-

ствительно его зовут. Давно он не представлялся никому и даже не знал, как теперь это люди делают.

– Михаил Андреевич я... – ответил он. – Михаилом просто зови, если хочешь. Мы здесь не гордые. – он погладил устроившегося рядом Космоса.

– Ира, – представилась девушка и огляделась по сторонам, как будто бы в поисках чего-то, – а здесь... Это где? – она посмотрела на него, – где я вообще?

Да, он знал, что момент наступит. Скрывать было бы бессовестно, да и довольно бессмысленно. Тем не менее, его не покидали сомнения, что девушка сильно испугается.

– Что ж... – он развёл руками, – ты на острове «Высокий».

– Господи, и где это вообще? – на удивление голос её звучал не напугано, а скорее растерянно.

– Это в Беринговом Море, – он указал рукой в сторону берега и вздохнул, – остров маленький совсем, его и на картах многих нет. До большой земли недалеко, но только на вертолёте.

Девушка задумчиво отвела взгляд.

– А вертолёт когда? – спросила она.

Михаил поднял глаза к небу. На серо-голубом покрывале медленно плелись скудные облака, гонимые морским ветром к большой земле. Они как бы нехотя заглядывали меж деревьев с высоты. Их движение подгоняло, манило за собой. Но Михаил знал, что торопиться некуда. Ему-то уж точно.

– А вертолёт через месяц...

На минуту воцарилось молчание. Лишь их собственное дыхание выдавало, что кто-то есть в этом лесу и сидит на поваленном бревне. Всё, казалось, замерло на своих местах, и лишь пёс заскучал и уже без прежнего энтузиазма стал исследовать местность вокруг. Михаил мог лишь вспоминать, как же люди общаются между собой... Особенно друг другу не знакомые. Но в любом случае стоило двигаться вперед, а вопросы задавать позже.

– Пойдём, – в конце концов сказал он, – обсохнуть тебе надо нормально.

Потрескивала печка. Жилище медленно, но верно наполнялось её теплом. Теперь казалось, что это не тот дом, который пробудил его утром своим холодом. Предметы будто поглощали тепло, по которому успели изголодаться в этом прохладном месте. Они становились ярче, заметнее. Тепло будто бы разгоняло поселившийся внутри туман. Но Михаилу все равно казалось, что это обычный его день. Вроде бы и всё, как всегда, но всякий раз, когда он оборачивался, чтобы взять чайник или налить в него воды, он видел девушку, сидящую напротив печки, и жадно поглощающую исходивший от неё жар. Она сидела, наклонившись вперёд и вытянув руки, как над костром. Он заметил, что она не спешила приводить себя в порядок, как на его памяти это делали женщины. Поставив вскипать побитый алюминиевый чайник, Михаил вышел за новой партией поленьев. Судя по звуку догорающих чушек, прожорливому сердцу дома требовалась подпитка. Выйдя на свежий воздух, он вспомнил, почему перестал топить печь. Слишком уж много забирала она кислорода из дома, и слишком уж он его любил, чтобы позволить подобную приватизацию. Поэтому сарай, в котором находилась поленица, был всегда заполнен. Раз полено, два, три, четыре, вот и пятое хорошее... Было их порядочно и даже больше, чем нужно.

«И на хрена столько нарубил...», – подумал он.

С охапкой дров на руках он кое-как открыл дверь хижины и, почти не глядя, свалил поленья у входа. Но краем глаза заметил, что что-то не так. Подняв глаза, он увидел, что девушка умудрилась вылезти из своего несчастного бордового свитера, и даже каким-то образом подвела его за рукава прямо над печкой. И тот теперь висел подобно знамени колонистов на завоеванной территории. Сама же Ира в растерянности стояла столбом у окна, прикрывая себя занавеской.

- Ты лучше-то ничего не придумала? – Михаилу это показалось даже забавным.
- Ну... – лишь смогла ответить она и потупила взгляд.
- Сейчас найду чего-нибудь, только из занавески выйди, ради бога...

Уже одетая в выцветшую большую мужскую рубашку, она вновь уселась поближе к печи и, будучи босиком, протянула к ней ноги. Чашку держала она обеими руками и почти не отводила от лица. Только сейчас Михаил со своего места мог лучше разглядеть гостью. Черты её лица, которые сперва казались довольно угловатыми, как будто чуть смягчились в этом освещении. Даже проявились на первый взгляд не заметные щеки. И брови, и губы её были, как лёгкий набросок художника, и бледны, и тонки. Волосы, будучи мокрыми, казались черными как смоль, но на деле оказались тёмно-каштановым водопадом. Девушка, как могла, расчесала его скромным синим гребешком, который Михаил нашёл в своих инструментах. В плечах она была узка и даже чуть-чуть сутула. Но руки, на одной из которых виднелась татуировка, при этом казались довольно крепкими. Штаны она успела сменить на длинное полотенце, найденное где-то на полках шкафа. Ира не казалась жутко стеснительной девушкой. По крайней мере, помощь она принимала вполне спокойно, хотя Михаил и чувствовал, что ей всё равно несколько неловко. Вздыхнув, она сказала:

- Спасибо, что вытащили оттуда... и за это всё... – она сделала глоток.
- Да не за что, – отмахнулся Михаил, – ты позвонить никому не хочешь?
- Нет, – ответила девушка, покачав головой.

Она сделала небольшую паузу, после чего спросила:

- Как вы меня нашли? – Ира повернулась к нему.

– Утром стаю чаек видел. Подумал, кружат странно. Потом по радио что-то про корабль говорили. Что в море потеряли. Ну, я пошёл да глянул в бинокль, что к чему. Тогда и тебя увидел, – Михаил прокручивал эти события и чувствовал, что они были как будто бы и не сегодня вовсе. Будто вспоминал что-то далёкое, а не то, что было несколько часов назад, – Взял Космоса с собой и пошли к берегу.

- Кого? – переспросила девушка.
- Ну, пёс мой. Космос, – уточнил Михаил.
- Красивое имя...

Ещё какое-то время они просидели молча, но, пожалуй, впервые за долгое время Михаил рискнул сам о чём-то спросить, раз уж тут произошло такое неординарное событие.

- Так, что случилось с тобой?

Рассказ девушки показался ему довольно странным. Ира поведала ему, что она без какого-либо сопровождения плыла на корабле. При этом тактично умолчав, что это был вообще за корабль такой и откуда она на нём взялась.

– А потом непогода... А у корабля еще навигация сдохла. Ну и стало нас уносить не туда куда-то, – продолжала она, – потом скрежет и треск, зашумели все, закричали. Вода хлынула. Нашла дверь какую-то деревянную. За неё цеплялась. – она вздохнула, – на корабле ещё шлюпка была, но не попала я на неё... Замешкалась, в общем. А они мне лишь оттуда круг спасательный бросили. Думала, подтянут. А он оборван оказался, – она сделал жест ладонями, как бы говоря: «Ну вот я и здесь», – а там ночь, не видно ни хрена. Куда я за ними поплыву... ещё против волн. Грести пыталась, но холодно же. И из сил выбилась.

Михаил сидел, подперев рукой подбородок в некоем задумчивом жесте. Он вспомнил, что некогда это была его привычная поза, в которой он слушал собеседника. Казалось, что она действительно говорит не всё. Но разве стоит насильно выковыривать из человека его загадку? Сказала то, что могла, или то, что хотела. Значит, большего знать ему было не нужно. Да и, если честно, не сильно хотелось. Такая версия возникновения девушки на его острове хоть и не была полной, но вполне его устраивала. Не следовало он был и не журналиста, чтобы вскрывать гнилые половицы. Тем более у девушки и так было не ахти, какое приключение...

– Сочувствую, – наконец вымолвил он, – тебе нелегко пришлось.

– О, Да. Есть такое... – она вздёрнула брови и посмотрела на свои вещи, кучкой сложенные на соседнем стуле.

Смартфон, наушники после солёной воды стали, очевидно, совсем бесполезны, но Ира раз в полчаса с завидным терпением пыталась включить устройство, уже не подающее признаков жизни. А рядом лежало немного сырых купюр, кожаный кошелек и парочка монет. Казалось, содержимое карманов обычного человека. Ничего особенного, если не знать, что эта юная леди потерпела кораблекрушение и оказалась на крохотном острове, затерянном в море. И теперь чёрт знает, когда отсюда выберется. Но попытаться что-то сделать всё-таки стоило.

– Ладно, ты тут побудь пока. А я попытаюсь доложить хоть о тебе.

Поднимаясь и уходя к входной двери, он заметил, что Ира, одной ладонью обхватив другую, провожала его взглядом с некой помесью беспокойства и... разочарования?.. В последний момент Михаилу даже показалось что она, было, сделала вдох, чтобы что-то сказать, но не стала. Дверь захлопнулась, а Михаил остановился на крыльце. Он знал, что связи нет. Но почему-то всё равно желал попробовать. Видимо памятуя древнюю инструкцию, в которой чётким по белому было выписано: «О всех внештатных ситуациях на рабочем месте докладывать на базу в соответствии с формой». Инструкция та, уже пожелтевшая, где-то была у него прикреплена. Нужно было подняться к подножью маяка, у которого и располагалось техническое помещение. И вновь ступенька, ступенька, ступенька с зеленоватым оттенком и ступенька, к которой он прибывал линолеум, чтобы не гнила. Удивительный калейдоскоп деревянных деталей, сменяющих друг друга. Морской бриз дул ему в спину, развевая не запахнутую ветровку.

«И чего мне с ней делать теперь... Ни условий у меня тут, ничего... Да и гостей я не ждал», – думал он, – «удобства на улице, еды на одного впритык. Лодки нет, и вплавь её не вывезти... Ну никак!»

Он проходил мимо своего зимнего дома. Был он чуть выше основного, меньше, но лучше утеплён. Некогда был он даже покрашен в белый цвет для красоты. Но за время краска вся с него поистёрлась окончательно, оставшись лишь местами и напоминая о былой красоте. Равно как и пустующие клумбы из крышечек, уж неведомо откуда здесь взявшиеся.

«Ну, хоть куда поселить её есть... Бардак только разобрать по мелочи...», – бросил он взгляд на хижину, решив заняться ею после.

Техническое помещение встретило его своим холодным дыханием. В тишине раздавался низкий гул генераторов, будто бы где-то прятался рой рассерженных шмелей. Всё здесь было обставлено довольно аскетично. Этому помещению Михаил практически не уделял внимание, и это было заметно. Старый истёртый дощатый пол, со стен кое-где под своим весом начала отваливаться старая оливковая краска, положенная в несколько слоёв на стены. Оттого были они неровными, шершавыми и имели какой-то свой причудливый рельеф, формируя миниатюрные вертикальные горы, плоскогорья и равнины. Михаил щёлкнул стареньким выключателем. Нехотя поморгав, будто через силу, несколько ламп, свисающих с потолка, впустили в помещение свет, который сам по себе с трудом в него добирался, из-за громадной тени маяка. Вдоль стены располагался небольшой стол, а справа от него, подобно солдатам на вечерней поверке, выстроилось разнообразное оборудование. Михаил точно даже не помнил, что это всё за приборы. Точно тут в стене был электрощиток со счётчиками старого образца. Разнообразные вольтметры, амперметры, реле предохранителей, рычаги подачи резервного питания и даже барометр. Но сейчас ему была нужна безнадёжная радиостанция. Отличалось она от той, что была в доме, в первую очередь тем, что теперь не ловила сигнал. А во вторую очередь передавала она исключительно на рабочей частоте маяка, и с неё в лучшие времена можно было отвечать. Сперва, когда эта радиостанция перестала принимать и ловить сигналы, Михаил даже не беспокоился. Так было даже лучше. Никакой умник с базы не будет беспо-

коить глупыми вопросами, а ещё не нужно постоянно кому-то отчитываться. С базы видят – маяк работает. Значит, всё в порядке. Конечно, его слегка беспокоили мысли о том, что случись чего, он и связаться не сможет. Но кто бы мог подумать всерьёз, что в этом тихом месте у бога за пазухой действительно может случиться что-то, о чём следовало бы доложить. Он снял громоздкое устройство с полки и сдул с него пыль, моментально взметнувшуюся серым облаком. После едва слышного треска электрического заряда радиостанция тихонько зашипела. В маленьком окошке ползунок показал частоту. Михаил потянул вверх телескопическую антенну. Та со скрипом поддалась и возвысилась на полметра. Как и ожидалось, шипение лишь стало чуть более выразительным и громким, но осталось всё таким же безжизненным. Теперь Михаилу казалось порой, что, может, и не существует вовсе никакой базы... хотя нет, раньше кто-то выходил на связь. Да и Григорий откуда-то прилетает всякий раз. Ну и гроши ему вроде капали. Так что, был кто-то по ту сторону. Кто-то, кому бы он сейчас с охотой доложил о корабле, да и о девушке, ведь, скорее всего, её где-то ищут.

– Приём... – он взялся за переговорное устройство и зажал на нем неприметную кнопку, – база, приём. Это «Высокий», ответьте.

В ответ лишь молчание. Размеренное, гипнотизирующее шипение. Будто бы на той стороне приёмник закинули к миллиону гремучих змей. Ничего, кроме шипящей пустоты.

«Быть может, это и слышит человек, умирая...», – вдруг подумалось ему.

Может, это шипение – и не молчание вовсе, а наоборот, все разговоры и голоса, слившиеся в один шум настолько плотно, что невозможно становится что-либо различить. Всегда им «белый шум» воспринимался, как символ пустоты. А сейчас думалось наоборот, что это показатель чрезмерной полноты... Такой полноты, что теряется всякий смысл... Как будто для галочки покрутив ещё несколько ручек, он, плюнув, выдернул шнур радиостанции из розетки. Та, так и не вымолвив ни одного слова, моментально затихла. Михаил оставил немой прибор на столе, не став его далеко убирать. Только в такие моменты жалел он, что не разобрался в электрике. Казалось бы, абсурдно попасть на подобную работу, не зная электрики. Но он попал, потому что больше никто и не соглашался...

Обратная дорога к дому заняла чуть меньше времени, и, уже подходя, увидел он, что девушка покинула жилище и вышла на крыльцо.

– Ну, что? – она выглядела обеспокоенной.

– Да ничего. Связи у меня нет.

Девушка, до этого вытянутая в струну, казалось, выдохнула всем телом, плечи её опустились, и она на секунду прикрыла глаза. Михаилу это показалось несколько странным, как, впрочем, и сами обстоятельства пребывания её здесь. Так что он лишь зашёл в помещение и, забрав нужную связку ключей, вновь отправился наверх к зимнему дому. Тем временем Ира так и осталась на крыльце, вдыхая свежий морской воздух. Она облокотилась на перила, и, казалось, глядела именно туда, где гордо высилась стеклянная макушка маяка.

На смену дню стремительно приходили сумерки. Кое-как прибравшись в зимнем доме, Михаил пригласил девушку расположиться на новом месте. Внутри дом, выделенный ей, несколько отличался от основного. На одной из стен расположился советский ковёр, задающий тон всей комнате. Спальня не отгорожена была стенами, а вместо верстака в углу засело крупное мягкое кресло, в котором явно давно уже никто не сидел, и оттого оно, такое величественное, было покрыто пылью и закидано тёплыми одеялами. Но Ира выглядела вполне удовлетворённой подобным жильём. Казалось, не смущала её неказистость и невзрачность окружения, столетняя пыль и скрипучие половицы. Она, будто в музее, осторожно осматривала всякий предмет, попадавший ей на глаза, не решаясь его тронуть. Она подняла взгляд к причудливой старомодной люстре, свисающей с потолка, когда Михаил на всякий случай объяснял ей, что здесь и к чему.

– Так что, если что, обращайся. Я тут внизу, – подытожил Михаил.

– Хорошо, спасибо вам...

Он уже собрался было уходить, но девушка его окликнула:

– Извините, а... Может, у вас есть что-нибудь перекусить?

И действительно, за всеми этими хлопотами Михаил совсем забыл, как и о своём голоде, так и о девушке, которая не бог весть сколько дрейфовала в море и наверняка хотела есть.

– Да, конечно... Прошу прощения. Как раз собирался делать ужин, – сказал он, хотя собирался его делать несколько позже.

– Всё в порядке, я подожду, – она кивнула, – я могу помочь, если надо.

– Да нет, я справлюсь. Отдыхай.

– Окей, – как-то простодушно изрекла она.

– Я тогда принесу тебе сюда, если ты не против.

– А, ну... Хорошо, – девушка на секунду задумалась.

– Я, просто знаешь, привык один... Не пойми неправильно, – Михаилу показалось, что это слегка смутило её.

– Всё в порядке, я понимаю.

Глядя с крыльца вверх, он заметил, как крадётся к зимнему дому вернувшийся со своей длительной прогулки кот. Очевидно, привлечённый ароматом еды, он, подобно злоумышленнику, проник в окно, которое недавно распахнула Ира, дабы проветрить помещение.

«Вот и познакомятся...», – подумал он.

Он стоял на крыльце и глядел на верхушку маяка, как совсем недавно делала Ира. Отсюда было плохо видно, но он знал, что в этом стеклянном куполе отражается вечернее небо. А порой было достаточно просто знать, чтобы в сердце поселилось спокойствие. Пошарив по карманам, он нашёл помятую сигаретку. На секунду пламя его зажигалки стало самым ярким объектом в округе после прожектора маяка. И вновь всё вернулось на свои места. Дым призрачным одеялом уносило куда-то вверх. Морской ветер гнал его по склону подальше от себя. Михаил прикрыл глаза и как бы обхватил ладонью колючий подбородок. Наконец, он снова мог остановиться и поразмышлять. Что же сегодня произошло? Что вообще это все было? Может, он всё ещё спал и всё это не реально? Или сам не заметил, как сошёл с ума в одиночестве, и никакой девушки нет? Он снова посмотрел в сторону дома. Включён свет, открыто окно. Даже можно разглядеть тень. Видимо, она всё-таки есть... Прибитая к берегу волнами, неизвестно откуда взявшаяся на неизвестном корабле, который неизвестно где разбился... Он сделал ещё одну затяжку, впуская в свои недра горячий воздух. Ему казалось, что всё это выглядело, как странный сюжет фильма или рассказа. Но вопреки всей абсурдности, это была реальность. Судя по всему, девушка здесь застряла. Хотя, думал Михаил, она совсем не выглядела раздосадованной или испуганной подобным положением дел. Неужели не было ей страшно оказаться в незнакомом месте с незнакомым человеком? Да, ещё таким... Он взглянул на свои руки. Грубые ладони, покрытые мозолями, были будто высечены из дерева. Они уже не казались ему настоящими. Но именно из этих рук приняла она помощь. Михаилу вдруг подумалось о том, что вообще это её появление может значить. Но внутренний голос его одёргивал:

«Это значит, что девчонка разбилась. Тебе её приютить, а потом восвояси отправить. Везде ты символизм видишь, старый хрыч...»

И он действительно видел. Видел и любил видеть. Придавать скрытые смыслы тому, у чего этих смыслов, быть может, и не было. Но он их видел. А если видел, значит, для него они есть. Будь это цветок, проросший сквозь деревяшку, большой деревянный крест на краю обрыва... или же девушка, вынесенная морем на берег... Но больше всего его беспокоила не она. А он сам...

III

Вокруг был лишь дикий шум. Всё гудело и летело куда-то в неизвестном направлении. Шквал ветра сносил его, норовя швырнуть как игрушку. Практически ничего невозможно было увидеть. Серой стеной бушевала вода в самом воздухе. Он стоял на коленях, и, казалось, что весь мир трещал по швам... Или трещал уже он сам под напором этого ветра. Ничто не могло удержаться на месте. Всё летело, билось и ломалось, а он лишь кричал что-то и полз вперёд. Громко рухнуло что-то тяжёлое рядом с ним, едва не попав по голове. Воздух наполнился тысячами песчинок, которые желали истереть, измолоть его в порошок, превращая в такой же песок. В глаза заливалась вода. Он держался за что-то и карабкался вверх, выбиваясь из сил. Скользила земля под его ногами, он полз вперёд, но лишь процарапывал размокший грунт, рекой текущий вниз. И тут погас последний свет. Будто его выключили, и всё видимое накрыла гигантская тень, поглотившая его в свои холодные глубины...

Он распахнул глаза. Бешено билось сердце. Он видел свой деревянный потолок. Он подвигал руками. Они слушались. Повернув голову, он увидел стену, лицом к которой всякий раз засыпал. Он определённо был у себя. В своей постели и, очевидно, в своём доме. Серые занавески, верстак в углу и полки с книгами. Михаил лежал в оцепенении, пытаясь прийти в себя. Неужели сон... Ужасный, но... это ведь был сон. Сколько лет он их не видел? Десять? Пятнадцать? И вот он лежит в своей постели, пытаясь расклеить реальность, которую показал мозг, и ту, что настоящая. Выкинуть себя из той реальности и закинуть в эту. Он поднялся, тяжело сев на край кровати. Заскрипели старенькие пружины матраса. Жилище уже было освещено дневным светом, пролезающим в занавешенные окна. Михаил взглянул на настенные часы. Десять утра. В любом случае пора было вставать, да и после подобных потрясений капризный организм Михаила уже не смог бы заснуть вновь. Михаил ощущал необходимость отвлечься, заняв себя будничными делами. Одеваясь, зачем-то глянул он в зеркало. Было похоже на то, что он упаковывает своё деревянное тело внутрь одежды для пушей его сохранности. Умывшись прохладной водой, он, по своему обыкновению, сделал погромче шепелявое радио и принялся думать над тем, что ему приготовить сегодня, попутно вспоминая, что теперь нужно было рассчитывать на двоих.

«» – вещал радиоприёмник. *Рыболовецкое судно Пётр Алексеев, пропавшее в Беринговом море, всё ещё не найдено. Напоминаем, что судно изначально вышло из порта Петропавловск – Камчатский, и двигалось в сторону Олюторского Залива, но, по предварительной версии, сильно отклонилось от намеченного курса...*

«Рыболовецкое... Стесняюсь спросить, какого лешего она там делала...» – подумалось Михаилу.

Она уже стояла наверху. Стояла, высоко задрав острый подбородок. Закрыв глаза, подставила лицо утреннему ветру. Одета она была в свою прежнюю, уже просушенную одежду, но обвязав при этом вокруг пояса рубашку, наподобие кушака. Волосы её уже не растекались по плечам каштановым водопадом, а были собраны сзади в хвост. Видимо, девушка нашла где-то резинку и не замедлила ей воспользоваться. Михаилу сначала сложно было поверить, но на руках своих она, как ребёнка, качивала рыжий клубок. Тот, в свою очередь, вовсе не сопротивлялся, а наоборот, выглядел весьма довольным. Услышав шаги, она распахнула глаза, будто выйдя из медитации, и посмотрела вниз, на поднимающегося по лестнице старика с тарелкой омлета.

– С добрым утром, Михаил Андреевич!

– Доброе, – кивком ответил он девушке.

– А как зовут вашего кота? – она слегка его приподняла, как бы показывая, о ком идёт речь. Фёдору это не сильно понравилось, и он пожелал покинуть объятия Иры.

– Он, скорее, тут сам по себе. Но зовут Фёдор, – Михаил, наконец, поднялся на один уровень с девушкой, вручая ей тарелку. За что та и поблагодарила.

– А почему Фёдор? Если не секрет...

– В честь Достоевского... – он задумчиво поднял глаза.

– Всегда хотела почитать...

Михаил на секунду замер. Странно, но почему-то здесь он и не задумывался, что кто-то где-то всё ещё читает. Только сейчас заметил он это за собой. Эту иллюзию, что он будто последний из читающих и последний из знающих. Ему еще вдруг вспомнилось о своём запасе книг в зимнем доме...

– У тебя там на полках книжки должны быть. Сам собирал, так что можешь читать, если хочешь, – он указал головой на жилище, где расположилась девушка.

– Да, спасибо... Кстати, о доме... Не хотите взглянуть?

– А что там не так? – недоумённо спросил Михаил, нахмурившись. Не проглядел ли он какой-то ерунды там? Да, вроде не было ничего постыдного...

– Всё с ним в порядке, – успокоила девушка, – просто гляньте.

Не без подозрений Михаил прошёл за девушкой к дому. Открыв дверь и пройдя внутрь, оказался он будто в том же самом доме... Только младше лет на пятнадцать, не меньше. Будто фильм, который он раньше видел лишь чёрно-белым, отцветили, и проявились вдруг краски. Увидел, что предметы, оказывается, далеко не двух-трёх цветов. Они пестрят. Они разные. Так и запестрело вокруг него его собственное зимнее логово. Заиграли новыми красками стены. Он совсем забыл, как проходил по ним морилкой изнутри, и какой был на них неповторимый узор деревянных волокон. Глубокий тёмный цвет полок, на которых устроились разноцветные корешки книг, стол, заблестевший поистёртым, но всё же лаком. Одеяла, раньше накиданные бесформенной кучей, были аккуратно сложены и занимали теперь значительно меньше места. Даже картина на стене теперь была ярче, а люстра... В причудливых стеклянных кристаллах её отражался свет, постоянно преломляясь и переливаясь внутри, будто живой. Михаил заметил на подоконнике смоченный кусок ветоши. Ира стояла напротив, заведя обе руки за спину и будто бы наблюдая за его реакцией.

– Я тут немного протёрла пыль... Конечно, не везде, я хотела ещё печку, может быть, и ковёр...

Михаил даже не знал, что ей сказать. Она сделала обычную уборку, он это понимал, но в доме стало даже легче дышать..., и эта девушка так осторожничала вчера, не решаясь ничего тронуть... К слову, ничего и не было тронуто. Всё находилось на своих местах. Ровно там, где и стояло.

– Ты очень хорошо прибралась тут, – сказал он.

– Просто протёрла пыль, где могла. Это меньшее, что я могу сделать.

– Ты ничего не обязана.

Михаилу действительно не хотелось, чтобы девушка теперь изо всех сил пахала, пытаясь отблагодарить его. Это было нечестно. Он здесь работает сам, и с этим тоже должен был справляться сам... Если бы только хотел.

– Ну, тогда считайте, что это не для вас, а для дома, – она пожала плечами.

– Ты когда успела-то?

– Да, вот сегодня, когда встала

– Я думал, что ты отсыпаться будешь, после всего...

– Меня Фёдор разбудил, так что я уже не заснула потом.

Михаил ещё раз оглядел помещение сверху донизу.

– Молодец, – вспомнил он похвальные слова, – только не увлекайся этим всем. Тут убираться – сизифов труд.

– Ну, посмотрим, – она аккуратно сложила тряпочку и положила её в уголок.

«Та-ак, топливо заливать до отметки...» Он стоял в технической комнате, занимаясь обслуживанием капризных генераторов. На полу рядом с ним стояла парочка старомодных алюминиевых канистр. В нос ударил резкий запах горючего. Михаил запрокинул канистру, и жидкость стала уходить в бездонное прожорливое нутро генератора. Бензин бесконечно стекал в воронку, подобно течению жизни, уходящему в небытие. Закручивался по спирали, плескался, но, в конце концов, исчезал в чёрной дыре, дабы послужить на благо некоего большого механизма. Когда один генератор насытился, удовлетворённо булькнув, пришло время следующего. Но мысли Михаила всё равно были несколько об ином. Он думал о том, сколько может быть таких вот ещё вещей, которых он своим замыленным взглядом не замечает здесь. Может, тут вообще всё в такой пыли? И дома, и маяк, и сам он уже в пыли. Давно превратившись в деревянную мебель, в часть ландшафта. А если пыль эту смахнуть, то всё будет ярко и радужно, как когда-то в лучшие времена...

«Опять о ерунде всякой думаешь, старик?», – ехидничал внутренний голос.

Михаил нахмурился.

– Да отстань ты, – вслух пробубнил он себе под нос.

Когда с генераторами было покончено, он снял все необходимые по инструкции показатели с приборов и бережно, графа в графу, занёс их в журнал. Показателей этих от него, к слову, почти никогда и не требовали, но он всё равно периодически исправно их записывал. На самом деле, на этом и заканчивалась его сегодняшняя работа. На деле сам маяк не был таким капризным, как, очевидно, виделось начальству. Он был всегда исправен, и лишь однажды что-то с ним случилось, и он перестал светить. Но тогда проблему быстро устранили, и с тех пор он работал без всяких нареканий и заботы о себе не требовал. Маяк будто бы был выше остальных зданий не только по размерам, но и по тому, насколько независим был от человека. Этим хибаркам, пристройкам и сараям всегда кто-то был нужен. Чтобы за ними ухаживали, промасливали, подбивали куда-то клинья, заделывали прохудившиеся крыши, мыли окна. Лестница и вовсе вся окосела, будто желая сбежать то ли влево, то ли вправо, то ли вообще скатиться вниз по склону и упасть в беспокойное море. А маяку все было нипочем. Сколько лет стоит, а ничего не просит. И никто ему не нужен.

Щёлкнув выключателем света, он вышел из технического помещения. Всё то же море, всё тот же бриз. Змейкой сползала лестница со склона, соединяя постройки в единую сеть. Отсюда хорошо виден был зимний дом. Его почерневшие доски будто ставили чернильное пятно на всём этом виде, как с открытки. А задний двор зарос высоким бурьяном. Непосвященный человек и не узнал бы, что там есть какой-то двор, настолько первобытная природа поглощала, отвоёвывала обратно даже те маленькие территории, что присвоил себе человек. Она была хитрейшим партизанским воином, который нападал, чуть только стоит тебе расслабиться. Михаил давно пустил уже почти всё здесь на самотёк. Но теперь он был тут не один, и не мог отделаться от странного ощущения. Что, глядя со стороны на это место, действительно можно подумать, что это какая-то дыра. Он искренне не хотел ничего приводить в порядок, так как ему оно не мешало. Но, видимо, для этого пришло время. Тем более, пока девушки нигде не было видно. Он двинулся к сараю. Тот его встретил по обыкновению темнотой и пылью. И из этой темноты на него оскалились зубья грабель, вил, концевки тяпок, лопат, и, конечно же, красавица коса. Она легла в его руки. Но косою не везде пролезешь, и нужен был... Серп! А вот и он. Михаил увидел знакомую ручку и потянул её на себя, обнажая лихо закруглённое лезвие. Уже спускаясь вниз, он надеялся, что девушка уснула, или чем-то занялась, чтобы он мог поработать один, как и привык. Можно было думать о своём, размышлять, а работа в это время будто бы делалась сама. Он подошёл к дому. Вроде бы тихо. Если издалека казалось, что двор просто зарос травой, то теперь это выглядело, как настоящие мангровые заросли. Михаил перехватил поудобнее косу, и, взмахнув ей, начал прорубать себе путь. Трава поддавалась очень неохотно. Стебли, как будто уже сплелись в некую единую массу, и активно сопро-

тивлялись своей вырубке. Не всюду лезвие даже проходило до конца, и приходилось делать два-три замаха по одному и тому же месту. Да и сама коса своим весом утягивала Михаила за собой, так что приходилось прикладывать определённые усилия, чтобы остаться на месте и не потерять равновесия. По итогу, за несколько минут работы, прорубил он лишь небольшой пяточок в непроглядных зарослях. Он делал очередной замах, вонзая лезвие в буро-зелёную биомассу, когда открылась фрамуга окна, и в нём показалось зевающее лицо Иры.

«Всё-таки вздремнула», – подумал Михаил.

– А что вы делаете? – поинтересовалась девушка.

– Двор выкашиваю, как видишь.

– А, так это тоже часть участка?

– Ну, была когда-то, – Михаил развёл руками.

Девушка скрылась в помещении, но спустя несколько секунд послышался хлопок двери, и Ира оказалась на заднем дворе, чуть не споткнувшись о коварный корень, торчащий из травы. Оглядев плачевную в целом ситуацию, девушка бросила взгляд на серп, который Михаил ранее положил на углу дома. Она взяла его в руку и слегка подбросила, перехватываясь удобнее.

– Может, не надо? – Михаил с опаской скосил глаза, уже мысленно смиряясь с тем, что девушка, увидев его слабый прогресс в вырубке, очевидно, останется помогать.

– Я думаю, надо, – сказала она, и, замахнувшись, молниеносно ударила по стеблям.

Её движение было таким быстрым, что Михаил его даже толком не заметил. Взмах, и уже разлетаются вокруг стебли. Девушка замерла на секунду в своей позе. Будто бы даже она удивилась своему мастерству.

– Неплохо... – лишь осталось констатировать факт Михаилу.

Она нанесла новый молниеносный удар уже ниже, для чего пришлось ей слегка наклонить корпус. Веером в воздух поднялись клочки травы. Подкошенные стебли, лишённые поддержки моментально попадали вниз, где девушка ещё и топнула по ним, заставляя издать последний хруст. Хмыкнув, Михаил покачал головой, сам не зная, что хотел этим сказать. Он продолжил делать ритмичные взмахи косой, понемногу выкашивая жизненное пространство. А девушка, получив, как казалось, одобрение, вновь принялась жестоко расправляться с высокими зарослями по правую руку от Михаила.

Конечно, теперь работа пошла быстрее. И, конечно, тяжёлая коса в руках Михаила уступала место стремительному серпу, которым ловко орудовала девушка. В движениях её не было профессиональности и чёткости, но была скорость и результативность. Благодаря чему, она, естественно, обгоняла Михаила и постепенно уходила вперед, оставляя за собой лишь поверженные и растоптанные стебли. Ира молчала, но иногда поглядывала на него. Казалось, что она давала Михаилу то самое время, нужное ему для собственных размышлений. Давала ту самую необходимую тишину, которую она, впрочем, долго выдерживать не смогла.

– Михаил Андреевич, – обратилась она к нему после того, как нанесла новый сокрушительный удар.

– Да? – откликнулся он, не отрываясь от дела.

– А вы давно здесь?

– Да, давно уже... – он почесал затылок, – Может, лет десять.

Михаил поймал себя на мысли, что действительно он не помнил в точности, сколько здесь находится. Может и десять лет, а может быть пятнадцать. Или вообще вечность... Порой действительно забывалось, что некогда была жизнь иная, и что был он совсем не здесь.

– Ого! – удивилась она, – то есть, вы тут за этим маяком приглядываете?

– Формально, да. А так, он тут и без меня справляется. Хожу, приборы смотрю просто.

– А зачем он вообще здесь? – Ира остановилась, явно устав от своего быстрого темпа работы. Рукой утерев лоб, она с шумом выдохнула.

Михаил пытался припомнить историю. Ведь зачем-то действительно был нужен этот маяк. Ведь некогда люди прибыли сюда и возвели здесь этого колосса с некой целью. Хотя, спустя столько времени казалось, что он был здесь всегда. Что гигант просто вырос из скалы, где надоело ему сидеть, и взмыл ввысь. Туда, где воздух, туда, где летают птицы, чтобы вечно глядеть на море и провожать закатное солнце своим стеклянным куполом. Но Михаил вспомнил. Всё же вспомнил.

– Здесь, вроде, когда-то базу хотели сделать исследовательскую. И порт должен был быть небольшой. Для судёнышек всяких. А потом заглохло у них это дело, – он взмахнул косой, – только маяк и успели построить.

– А почему заглохло?

– Да, кто их знает, – он пожал плечами, – у них всегда всё глохнет.

Передохнув, девушка продолжила кромсать траву.

– И вы все десять лет один тут? – спросила она.

– Можно и так сказать. Но у меня компания своя. Космос вот... Фёдор тоже захаживает...

– И вам тут не скучно?

– Бывает и скучно. Но я вот читаю, иногда поделки из дерева делаю. Есть чем заняться.

– Это хорошо, – задумчиво протянула она.

Они продолжали работать. Что-то ему в этой девушке казалось странным. Слова вылетали из неё, казалось, с какой-то простецкой лёгкостью. Будто бы она их говорила, не обдумывая и не взвешивая каждое слово, а наоборот, отпускала их в полёт. Но при этом могла этот их полёт контролировать. Да и вообще, не была она ни смущена, ни закрыта по-настоящему. Говорила, что придёт в голову, а что в голове у неё – непонятно. Это и настораживало Михаила и, на удивление, интриговало одновременно. Сам же он был совсем не таким и такого давно не встречал. Тем временем они сами, не заметив, выкосили почти весь пятачок. Уже показался просвет в бесконечных зарослях. Девушка резкими движениями прорубала себе дорогу к этому свету.

– Михаил Андреевич, смотрите!

– Шас, прорублюсь, погоди теперь, – он добивал остатки травяной армии, – ну, чего ты там увидала-то...

Она стояла, прислонившись к покосившемуся от времени деревянному заборчику, который был человеку примерно по пояс, и глядела вперёд и вниз. Там, как бы на уровень ниже, было ещё свободное место, ранее Михаилом не замеченное, так как было оно ниже зимнего дома, но выше основного, и скрыто густыми зарослями со всех сторон. Небольшая полянка вся была усыпана яркими голубыми точками. От ближней к ним стороны до самого края. И, по неясной причине, она почти не заросла. Уж был ли там плодородный слой меньше, или камень ближе к поверхности... непонятно. Но это пространство все будто сияло маленькими голубыми звёздочками. Неужели это были...

– Цветы, – будто продолжила его мысли девушка.

Зрение не позволяло Михаилу увидеть их чётче, но что же это ещё могло быть? Они самые. Яркой россыпью раскиданы по траве.

– Вы знали, что здесь это есть? – она повернулась к нему.

– Откуда ж мне знать, – он развёл руками.

– Но вы же здесь десять лет живёте, – она тихо усмехнулась, и на лице её появилось странное выражение.

Так давно в последний раз он видел именно такую... улыбку. Лёгкая, практически одним уголком рта. Такая непринуждённая и обыденная. Так контрастировала её улыбка с этими серыми постройками, серым небом и плещущимся где-то внизу тёмным морем. Казалось, что не было и не должно быть тут подобных жестов, которые Михаилу почти что забылись. Нет, конечно, и сам он порой улыбался, когда играл с Космосом или если кот Фёдор приходил

и мирно устраивался на коленях. Но просто так... Такого с ним не бывало. А она вот так запросто могла...

– Что это за цветы? – интересовалась она.

– Не знаю... Я таких не видел.

Тут в очередной раз подул ветер. Они находились в некоем шаре из смешивающихся запахов моря, свежескошенной травы и лёгких, еле уловимых ноток аромата этих самых неизвестных цветов. Она глубоко вдохнула, вновь прикрыв глаза, ровно как было это утром. Глядя на неё, сам не зная почему, Михаил захотел повторить своеобразный ритуал девушки. Он закрыл глаза и глубоко вдохнул. Всё нутро его на секунду наполнилось воздухом, будто проникал он теперь в те закоулки, где раньше была лишь пыль и духота, а теперь туда проник кислород. С выдохом Михаил распахнул глаза. Что-то в этом было. Он словно пропустил сквозь себя даже свет, пробивающийся из-под облаков. Ира всё ещё стояла, заморожено глядя на цветы. И её можно было понять. Такого тут не ожидаешь увидеть.

– Мне здесь нравится, – вдруг сказала она.

Эти слова она произнесла почти как признание. Адресовав их скорее куда-то в пространство, а не Михаилу. Ему они как-то особо врезались, потому что спорить он с этим никак не мог.

– Мне тоже... Мне тоже нравится, – сказал он и, подумав, прибавил, – но ты разве домой не хочешь?

– Честно? – девушка повернулась к нему, – не хочу.

Во взгляде её он прочёл искренность. Она не врала. В этот момент он почувствовал, что эта девушка... То, что она в себе содержит – нечто совсем иное.

Михаил сидел в кресле рядом с письменным столом, подперев голову рукой, и вновь думал. Эта пришлица будто бы из иного мира, казалось, принесла с собой что-то ещё. Какую-то, что ли, неясную искру, которой теперь желала осветить это место. А все ли люди такие, как она? На большой земле? Или девушка выделялась бы даже там? Он возвёл глаза к потолку. Почему-то именно сейчас вспомнилась ему его старая традиция. Лишь только приехав сюда, любил он сидеть у костра, разведя его на самом верху. Иногда разогревал он себе там еду в походном котелке и ел прямо там, глядя на закат. Почти забытые ощущения вызвали у него наплыв каких-то приятных воспоминаний. Тёплых, как пламя тех костров, что он некогда разводил. Он нахмурился и взглянул в окно.

«Ну, а что, если...» – подумалось ему.

Ведь были на месте и поленья, и походный котелок где-то валялся неподалёку.

«Ну, и с чего бы нам теперь этим заниматься? Дед решил молодость вспомнить?», – вновь насмеялся внутренний голос.

– Уйди ты к чертям собачьим... Как будто бы десять лет назад молодость была... конечно... – проговорил Михаил, оппонируя самому себе.

Может, и вправду стоило попробовать? Если уж сегодняшний день и без того ознаменован был всякой деятельностью, до которой раньше руки не доходили. Накинув ветровку, он вышел из дома. Незаметно подкравшись, вечер уже вступал в свои права, постепенно укрывая местность сумерками. Михаил собрал с собой несколько поленьев в охапку, не забыв захватить несколько палок и прочие необходимые атрибуты разжигания костра. Не знал он, зачем это делал. Скорее, для себя. Что-то вспомнить, окунуться в некую «ту самую» атмосферу, хотя Михаил и не исключал, что никакой «той самой» атмосферы и вовсе нет, а всё это дорисовывает его уставший мозг. Быть может и так. Довольно редко решался он что-то делать, выходящее за рамки ритуала. Но сегодня, судя по всему, вместо обхода будет он греться у костра. Что ж, звучало не так уж и плохо, если только не вспоминать что обход также входил в его обязанности здесь. Вершина лестницы... И вот он уже на ровном месте. Припомнить бы только, где... Но место старого кострища довольно быстро было обнаружено.

В первую очередь по небольшому брёвнышку, на котором раньше, судя по всему, Михаил и сидел. Сгрузив неудобные поленья, он принялся как-то по старой памяти их расставлять, формируя из них некий вигвам. Пару раз чиркнув зажигалкой, он попробовал поджечь обрывок газеты. Но капризному пламени мешал ветер, сдувая на корню все его начинания. И лишь бережно укрыв его рукой и повернувшись спиной к морю, удалось, наконец, усадить танцующее пламя на клочок бумаги. От заголовка какой-то статьи остался лишь остаток «...лся многоквартирный дом...» О чём конкретно говорилось в той статье, он узнавать не хотел, да и не успел бы, потому что огонь, почуяв добычу, стремительно стал захватывать белое полотно бумаги, мгновенно всё делая чёрным под собою. Он положил загоревшуюся бумагу вниз к центру конструкции из брёвен. Всё это походило, наверное, на некое ритуальное жертвоприношение, но тут никого, кроме деревяшек, не сжигали. Лишь укрепив расщеплённые палочки по бокам от кострища, Михаил занялся котелком и непосредственно наполнением его едой.

Пламя хорошо разгоралось. Поленья, будучи под навесом, оставались сухие, и огню было легко перекинуться на них. Михаил уже чувствовал исходящее от него тепло. Будто цепляясь своими жёлтыми языками, карабкался он повыше, туда, где Михаил и расположил потрёпанный походный котелок. Вверх поднимался серый дым, уносимый ветром, куда-то далеко, и там развевающийся на просторе. И тут Михаил заметил поодаль какое-то движение. Ну, конечно, огонь, в древние времена отпугивающий всех вокруг, теперь наоборот, привлекал к себе. С лестницы наверх, заинтересованно помахивая хвостом, поднялся Космос, и уверенно направился к Михаилу. А вслед за собакой показалась и Ира, укутавшаяся почему-то в старое бежевое одеяло, что издалека делало её смахивающей на привидение. Встав наверх лишь одной ногой, подобно первооткрывателям на новой земле, она посмотрела в его сторону.

– А к вам можно!?! – прокричала девушка.

На что Михаил лишь пожал плечами и сказал:

– Только стул захвати тогда!

Девушка, кивнув, скрылась, взметнув за собою шлейф одеяла, но не заставила себя долго ждать и уже спустя пару минут вернулась вновь. Она несла белый табурет, держа его за ножки, и выставив вперёд, так, будто это была статуэтка или ваза. Подойдя к танцующему костру, она поставила табурет напротив Михаила, оказавшись на одной стороне с псом. Космос уже лежал, положив голову на передние лапы и, очевидно, наслаждался теплом. Ира устроилась рядом, подмяв край одеяла под себя, как девушки обычно делают это с платьями. Мерцающие языки пламени, извиваясь, осветили её лицо своими рыжими всполохами. Свет костра создавал на ней странную игру, ярко освещая лоб, слегка вздёрнутый нос, шею и щёки. Но оставлял как бы в тени острый подбородок и глаза, в которых теперь отражалось пламя. К этому времени девушка уже распустила волосы, и прижаты они были лишь одеялом, в которое она завернулась. Всё это делало её вид почти мистическим в этот час. Скрестив руки в замок, она наблюдала за шальными языками костра на самом его вершине, в то время как Михаил устремлял свой взгляд туда... Вниз. В самый первобытный корень этого очага. В его начало. Там, где сгрудились вповалку чернеющие поленья, туда, откуда оставляя после себя лишь золу, поднималось трескучее пламя, уже набравшее в себе силу. Всё это погружало его в такое состояние духа, когда полностью хотелось сфокусироваться на своих оставшихся чувствах и мыслях, пропуская их сквозь себя и позволяя всецело собой овладеть.

– Это завораживает... – вдруг тихо сказала девушка.

– Так и задумано, – ответил Михаил, не отрывая взгляда, – он горит, чтобы завораживать.

– Странно, что людей привлекают такие вещи.

– Какие? – спросил он.

– Опасные, наверное... – она подобрала какую-то веточку с земли и отправила её в жёлтое зарево костра.

– Ну... людей всегда привлекало то, что их может убить. Мы смотрим на огонь, на море...

– Или на грозу, – добавила девушка.

– Или на грозу, – он кивнул головой, – потому что это необузданная сила. А то, что человеку неподвластно – его влечёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.